

НеАтзел-Хратумель

даже если кто-то думает иначе

Ксения Буличук

Ксения Биличук

Не Ангел-Хранитель

<https://litres.ru/73925656>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одни называют ее демоном, другие - исчадием ада, и лишь редкие представители человеческого рода видят в ней настоящего ангела. У нее нет дома, семьи и друзей, но есть город, в котором она нашла все, что дает ей силы идти вперед.

В этом городе, среди серых стен и потока людей, забывшегося в гуще своих проблем, она видит смысл, видит красоту и душу, что заботится о каждом его жителе.

Она живет вне времени и правил общего потока. Она не стремится в общество, которое не принимает ее, и не желает ломать свои устои. Она просто идет сквозь людей, бегущих по своим делам, озабоченных мелкими проблемами и неурядицами, забывшими о красоте этого мира и не научившимися по-настоящему жить.

Она – яркое пятно, на бесцветном полотне жизни. Но всегда найдется тот, кому мешают пятна.

Содержание

Первая встреча	4
Сфера	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ксения Биличук

Не Ангел-Хранитель

Первая встреча

Прогулки по вечернему городу всегда были ее слабостью. В эти часы, улицы больше походят на воспитанников детского сада – ждущих, растеряно покрывающихся тенью сомнения в чистой родительской любви. А идти становится в разы приятнее, чем в любое другое время суток.

Именно в пору, когда ленивые фонари еще не зажглись, а солнце уже торопливо прячется за горизонтом, бросая, как подачку последние лучи, эта девушка больше всего не вписывалась в общий поток уставших горожан.

Ее небольшой стройный силуэт с тонкими ножками, облаченными в короткие шорты и такие же кеды, мальчишеская стрижка и цилиндрический предмет за спиной казались совершенно неуместными. Будто она потерялась в той суете, что царила вокруг. Но ее четкий и уверенный шаг, ее гордо поднятая голова и едва прикрытые глаза говорили об ином – она точно знала, куда идет.

Люди торопятся, сбрасывая тяжесть будничных забот на плечи таких же встречных. Они ищут менее внимательных, незащищенных, неосторожных прохожих, чей день прошел

лучше и легче.

Сейчас им нужны жертвы, чтобы сделать их виноватыми во всех неудачах и передрыгах, а потом со спокойной совестью отправиться домой, где их кто-то ждет – кот, семья, может только телевизор или компьютер.

Она походя разглядывала магазины, переполненные покупателями. Кто-то выбирал поздний ужин, кто-то искал бутылку кефира на завтрак, а кто-то покупал хлеб, потому что сын доел последний кусок на полдник.

И все они продолжали толкаться и натykаться друг на друга, ища в каждом посетителе, возможность выместить свое негодование, усталость и злость, накопленные за три часа в метро и восемь часов на работе. У них нет другой жизни, они не знают, почему, где и что сделало их скучными, уставшими и позабывшими какими яркими могут быть дни.

Девушка остановилась у витрины, наблюдая за покупателями, торопливо переходящими от полки к полке, кладущими что-то в корзину и бегущими скорее к кассе, пока там не собралась очередь. У нее снова и снова возникал вопрос – почему и когда единственной целью в их жизни стала последняя банка шпрот на полке или бой за место в очереди у касс?

Но все это было лишь аккомпанементом к уличным песням, скрываемым городом в шуршании сорванного с рекламного щита баннера, в тихом жалобном мяуканье брошенных котят, нашедших укрытие в картонной коробке, в

студе изящных женских каблучков о разбитую брусчатку. И она наслаждалась каждым звуком, заглушаемым для человеческого уха обычной, будничной суетой.

А поздним летом, когда воздух прогрет выхлопами и солнцем, все еще проглядывающим через смог и густые облака, атмосфера раздражения и общей неприязни чувствовалась куда сильнее. И это хорошо читалось на обеспокоенных, брезгливых или удивленных лицах прохожих, осмелившихся задержать на девушке любопытный взгляд дольше, чем на пару секунд.

Она шла мимо, ловко уклоняясь от лавины вываливающихся со станции метро людей, от пробегающих мимо собак (одна из них успела схватить недоеденный кем-то пирожок, брошенный прямо на тротуар), мимо витрин, озаряющих последним, прощальным светом стемневшие улицы.

Для нее город подобрал идеальное время – вечер, конец обычного рабочего дня, гвалт, становившийся для нее лишь фоном, чем-то несущественным, но ярким, заставляющим прислушиваться и вглядываться в толпу.

И пусть со стороны казалось, что она лишь празднично шатается по улочкам, цель у нее была. Не такая возвышенная, не такая гуманная, не такая привычная для простого обывателя. Ей нужно пройти этими длинными улицами, сквозь эти шумные толпы, чтобы найти тот единственный клочок города, где наступит самое страшное – тишина, в которой не будет гвалта, скулежа, криков и гудения, а будет лишь покой,

заставляющий прислушиваться к себе и своим чувствам.

Сегодняшняя прогулка оказалась ярче прочих, насыщенной на чужие эмоции и плодовитей на тычки прохожих. Но и это не могло ее остановить.

Девушка улыбалась каждому, искавшему возможность выпустить свои эмоции наружу. Не по-доброму. Той самой улыбкой, что заставляет сначала впасть в ступор, а потом поторопиться прочь, как от прокаженной.

А ей нравилось оборачиваться, делать пару шагов спиной вперед, чтобы зафиксировать в памяти, чтобы насладиться тем, как скоро покидает место очередной прохожий, потерявший надежду выплеснуть всю свою озлобленность на город, работу, людей и время.

Где-то глубоко к ним таилась жалость – они совсем забыли, зачем, вообще, пришли в этот мир. Зачем что-то там наверху подняло руку, отступило два пальца от края и начало новую запись с красной строки. А ведь при рождении они это четко знали.

И теперь она шла в этом потоке «против шерсти», зная, что в отличие от них, ее Небесный Канцлер все еще пишет самый длинный в его памяти абзац, еще не придумав, на чем же ему остановиться.

Поток становился все реже – его участники расходились по домам, получив свою дозу адреналина и продуктов. Город погружался в темноту, в которой ленивые фонари все еще отказывались включаться, одаривая редяющих прохо-

жих осуждающим взором пустых глазниц.

Ей нравилась эта постепенная пустота, ей нравилось, что все прятались от этого накатывающего огромными волнами одиночества в своих клетках.

Кто-то запирался в четырех стенах (может быть, готовясь, приучая себя к малым пространствам, которые со временем сузятся до размеров гроба и могилы). Кто-то строил планы на продолжение вечера в другой, более приятной обстановке. Кто-то надеялся просто выспаться или погрузиться в пенную ванну, чтобы смыть с себя дневные переживания.

Но все они отгоняли от себя одиночество и серьезные вопросы социальными сетями, тупыми сериалами, ненавистными домашними заданиями. Они оправдывали свой образ жизни жестокостью социума, а замкнутость – тонким настроем души.

А все потому, что в момент, когда они произнесли свое первое слово, когда родители возложили на них первые обязанности, они перестали принадлежать самим себе.

В то время как Город говорил с ней на своем собственном языке. Пел каждый вечер песню об усталости от этих маленьких и переполненных праздной суетой человечков. И одновременно с этим любил ее, дарил особое наслаждение от прогулки по его улицам.

Он открывал ей душу, которую никто не мог увидеть в этих каменных стенах, в этих побитых временем тротуарах, в этих уставших от вечного шума и загазованности дорогах.

Люди смогли пробраться в его нутро – они накопили и пустили по его венам себя, как вирус, как бактерии, загружаемые в небольшие капсулы и путешествующие от точки к точке, а после выскакивающие нарываами и зудом на поверхность.

Они создали его, а теперь пытаются уничтожить, обзывая и ненавидя за то, что сами сотворили. Он был невинной жертвой жестоких прародителей, не способной защититься или дать отпор. И потому она дарила всю свою любовь Городу, но не творцам.

И оттого ей хотелось забыть про тех, кто живет здесь, но не о самом городе, ставшем колыбелью для сотен, тысяч, миллионов потерявших свой путь, надежды и просто суть своего существования.

А ведь есть и другие. Вы слышали про жителей заброшенных катакомб и канализации, больше походящих на крыс, умеющих ходить на задних лапах? А, может, вам встречались их братья гремлины, предпочитающие старые башенные часы, все еще напоминающие окружающим о быстротечности времени?

Они, вопреки всему, пытаются жить, соседствуя с теми, кто больше не верит в них, в то, что предметы имеют душу и свою историю, более возвышенную, чем просто факт производства, приобретения, использования и дату утилизации.

Вскоре поток прекратился и вовсе. Она давно прошла выход из подземки и теперь на тротуаре встречались лишь пе-

реполненные урны, окурки, брошенные мимо баков, и мелочь, потерянная, когда очередной прохожий вытаскивал ее на ходу, чтобы поскорее расплатиться и вернуться домой.

Сейчас же наступало то время, которое она особо любила – наступал момент, когда она могла продолжить свой путь без затруднений, без оглядки по сторонам.

Улицы, наконец, освободились от того шума и скорости, что царили в них большую часть суток. Можно на мгновение позабыть обо всем живом.

Эти часы принадлежали только им – ей и Городу, который так долго ее ждал.

И даже небольшая компания парней, вышедшая из подъезда и гомонящей стайкой направившаяся к ней, не могла стать преградой.

Их было трое, и самый низкий из них был на голову выше девушки. Да и физически превосходил эту нескладную девочку с тонкими ножками.

Но какое значение имеет троица веселых ребят, когда у тебя есть цель и ты идешь только к ней? Никакого.

Они остановились шагах в пяти от нее, не давая прохода.

Она же решила посмотреть, что выйдет из этой неожиданной встречи. И давала им шанс показать себя с лучшей стороны.

– Девушка, а вашей маме зять не нужен? – начав с неоригинальной шутки, поинтересовался парень, стоявший в центре.

Он, судя по осанке и широко расставленным ногам, упирающимся в ноги своих соседей, был заводилой в этой компании. И оттого у него было право первого слова и первой шутки, которая нашла звонкий отклик у товарищей.

Она улыбнулась на его слова и отрицательно покачала головой, давая шанс самому определить, что же значит этот жест в данной ситуации.

– Ты не стесняйся, – продолжил парень, не получив словесного ответа. – Мы тебя не обидим, если будешь хорошо себя вести.

Девушка продолжила стоять, ожидая их реакции и дальнейшего развития событий. Когда же заводила перейдет к сути дела?

– Может, ты немая? – уточнил он и убрал руки в карманы легкой куртки с поднятым воротником.

Весь его вид от выстиранных до ослепительной белизны, пробивающейся даже в потемках, кроссовок до аккуратно уложенных волос, обильно приправленных муссом для лучшей фиксации, говорил о том превосходстве над слабым полом, что давалось ему прежде без слов и действий.

Его друзья – такие же лощенные, хорошо выстиранные и надушенные дешевым и терпким парфюмом парни.

Им принадлежал весь мир, только сам мир об этом не догадывался. А вызов и уверенность в их глазах говорили лишь об одном – они получают все, чего захотят, ничем не гнушась.

Ее губы расплылась в еще более широкой улыбке, не проронив ни слова.

В потемках парни не могли увидеть ее восхитительных глаз с узкими, вертикальными зрачками, окруженными радужной оболочкой цвета темно-красного кирпича, испещренной серой сеточкой. И сейчас в этих глазах, непохожих ни на какие другие, плясали озорные огоньки, даря задор всему телу. Они, как маленькие солнечные батарейки, поглощали окружающий свет и передавали его дальше, чтобы тело могло работать сильнее и лучше.

Она снова отрицательно покачала головой, ожидая продолжения знакомства. Что же они предпримут дальше? Уговоры? Флирт? Приглашения? Угрозы?

Девушка знала людей лучше их самых, но всегда давала им шанс самостоятельно проявить собственную натуру и сущность. И в этом тоже был некий элемент игры – ей всегда хотелось дать другим шанс выиграть у нее хотя бы раз.

Ее молчание нагнетало больше, чем тишина и редкие потягивания маленькой собачонки, выведенной заботливым хозяином для вечернего выгула.

И парни чувствовали это напряжение. Они чувствовали, как ее улыбка пробирается к ним под кожу и тонкими иголками пытается их внутренности, нанося точные уколы.

Но, несмотря на это пугающее ощущение общей жути, заводила не мог просто развернуться, позвать с собой всю компанию и пойти прочь. Уж точно не от девушки, чей рост не

доходил ему даже до плеча.

Это было унижительно и нелогично. И только эти чувства, бурлившие сейчас в нем, не давали ему возможности отступить назад.

– Тогда чего молчим? – парень разорвал тишину, спасаясь в звуках собственного голоса. – Мы тут всей душой к тебе, а ты даже слова из себя выдать не можешь? Неуваженьице.

Вот оно – новое развитие событий. Мало кто после нескольких вопросов переходил не в чувство ярости или неконтролируемой злости, но истинного негодования, вызванного молчаливой улыбкой.

И оттого ей становилось еще интересней следить за продолжением. Будто она стала участницей психологического теста, где можно не просто изучать свои объекты со стороны, но и иметь на них определенное воздействие.

Потому следующий ее кивок вызвал еще больше эмоций и накалил атмосферу вокруг них до состояния появления конденсата на холодных предметах. Хотя какое это имело для нее значение, когда парни просто мешали ей пройти? А ей очень не хотелось куда-то сворачивать.

– Не хочешь по-хорошему, будем по-плохому, – не выдержал парень и вытащил руки из карманов, разминая пальцы. – Тебя, девочка, разве не учили, что с незнакомцами надо быть осторожной? Что нельзя их злить? Или, может, ты дурочка? И не боишься ничего по безмозглости?

Двое других тоже вытащили руки из карманов, но оста-

лись на месте, ожидая отмашки от своего жоака. Им просто нужно было дать сигнал, когда приступить к той части представления, когда глупышка начнет задыхаться от слез и мольбы отпустить ее к маме.

Но до этого они будут просто стоять и восхищенно наблюдать за действиями того, «кому принадлежит весь мир».

Он сейчас пытался завести себя еще больше, чтобы снять жалкие психологические и моральные блоки, которые вдалбливали в него с самого детства, ведь девочек обижать нельзя.

Но эта девочка не походила ни на одну ему известную представительницу слабого пола. Она нагло улыбалась и отказывалась отвечать на любой заданный им вопрос. И это его злило с каждой секундой все больше и больше.

А девчонка стала снимать с плеча цилиндрический предмет и поставила перед собой, касаясь его верхушки только кончиками пальцев.

Это была простая сумка, в которой фитнес-леди хранят свои коврики для йоги – темная, с сетчатыми вставками и длинной ручкой для удобства ее переноски. И сквозь эти вставки просвечивались яркие пятнышки, которые сложно было разглядеть в скоропалительно надвигающихся потемках.

И все же приложив некоторые усилия, парень разглядел содержимое сумки, украшенное веселыми узорами.

– Это что – коврик для йоги? – с недоверием поинтересовался он.

Девушка утвердительно кивнула и продолжила стоять. А ее глаза начинали превращать улыбку из доброй и игривой в жутковатую и угрожающую. Но в том сумраке, что не хотели освещать ленивые фонари, заметить это изменение могли только очень внимательные люди, способные видеть в темноте.

Увы, парни не входили в их число. А ведь это был последний шанс отпустить девочку и отправиться по своим делам.

Но заводила сложил руки на груди и принял расслабленную позу, выдвинув ногу вперед, будто для резкого рывка:

– Отбиваться им будешь? Или у тебя на этот счет более игривые планы? – он обернулся к товарищам и продолжил уже для них. – Ребята, она собралась поразить нас своей сообразительностью и покорностью!

Уличную тишину разорвал веселый хохот с нотками издевки и чувством собственного превосходства. Им было смешно от сложившейся ситуации. На их взгляд эта девчонка просто пыталась найти хоть какое-то оружие, чтобы защититься от них.

Вместе с тем они теряли самое главное – момент, когда лучше всего остановиться и внимательно оценить обстановку.

Она перехватила сумку поудобнее, чтобы достать коврик, будто собралась немного расслабиться и принять пару удобных для медитации поз.

Парень не унимался, продолжая стоять на одном месте,

как хозяин положения, и насмехаясь над ее действиями:

– Милая, зачем тебе сейчас коврик-то? Земля холодная, почки потеряешь.

Девушка, будто не обращая внимания на его слова, вытащила плотный рулон яркой, веселой расцветки и улыбнулась ему напрямую:

– А это не мне, – наконец, произнесла она свои первые слова и резко взмахнула ковриком, ухватившись за один край.

В считанные секунды оборудование для йоги раскрылось, выпуская из рулона не только воздух, зажатый между прорезиненными слоями, но и что-то длинное.

Они не успели даже открыть рты, когда коврик аккуратно лег на тротуар. В ее руках уже красовалась ярко-синяя бита.

С грацией хищной кошки и точностью снайпера девушка нанесла несколько сильных ударов, не останавливаясь ни на секунду в своем первобытном, но изящном танце.

Ничто не нарушило уличную тишину. А парни, словно повинувшись чужим пожеланиям, улеглись на коврик для йоги аккуратной горочкой из трех обездвиженных, не успевших даже удивиться прежде, чем потерять сознание, тел.

Она знала, что делает – за годы прогулок по этим улицам ей удалось отточить полезный навык.

На лицах неудавшихся обидчиков не было ни единого кровоподтека, все удары достигли цели и оставили внушительные синяки и ушибы, но под куртками и джинсами, что-

бы не попадаться другим на глаза.

– Это для вас, – пояснила девушка пустоте.

Голова изящно повернулось вправо-влево. Глаза оглядели округу. Руки ловко выдернули коврик и свернули его обратно, не забыв припрятать внутри битую с отполированной от частых прикосновений ручкой. А после опасный, но безобидный на первый взгляд ролик отправился в сумку.

Раскачавшись на ногах, бросив прощальный взгляд на парней, даже не пошевелившихся от ее последних действий, она сделала первый шаг и вновь направилась вперед, ведомая лишь желанием поскорее восполнить потраченное здесь время.

Путь еще так долог, а это досадное недоразумение, лежавшее на холодеющем асфальте, немного задержало ее в дороге.

Загорелся первый (самый нетерпеливый) фонарь, осветив собой небольшой участок тротуара, обходя стороной все еще не пришедших в себя парней. Вслед за ним лениво начали включаться и остальные, раздаривая свой бледный свет городу и редким прохожим.

Им не нравилось, что их не ценили. Возможно, оттого горели скупо и слабо, не давая возможности разглядеть хоть что-то, не подойдя для того поближе.

Земля жадно впитывала в себя остатки тепла, бродящего на поверхности, настойчиво отбирая последнее у воздуха. Лица коснулся слабый ветерок, обдавший девушку не только

прохладой, идущей с севера, но и звенящей тишиной, манящей ее на край города.

Она улыбнулась этому зову, запрятанному в слоях других запахов и звуков, присущих местам, где живут люди. Ей не нужно было искать его, и не нужно было морщиться от резких «ароматов», что до сих пор не сглаживались и не отходили для нее на задний план.

Все это было лишь сопровождением, маской, за которой скрывается истинная сущность города. И только у нее была возможность поддержать его, уставшего от дневной суеты, человеческих истерик, отходов и выбросов.

Город тоже нуждался в том, кому сможет рассказать обо всем произошедшем за день. Ему тоже нужен был кот. Или человек.

Девушка исполняла эту обязанность уже не первый год. И никто кроме нее не мог сделать ничего подобного, потому что не видел в этом огромной каменной мешке душу, ищущую покоя и признания.

Оттого у них сложились особые, очень близкие отношения, недоступные простому человеку.

Она зажмурилась, впитывая самой кожей звуки, ароматы и едва заметные колыхания воздуха, старающиеся обнять, окутать своим вниманием, а после улыбнулась и уставилась вперед. Он ждал ее и звал так нетерпеливо, что его голос можно было услышать даже в слабом ветерке.

Глаза блеснули спокойствием и целеустремленностью, а

кирпичная радужка спрятала за собой серые прожилки, скруглив зрачок.

Теперь от прочих жителей ее опять отличали сущие мелочи, которые сложно разглядеть, если все время прятать взгляд при разговоре. Именно так обычно поступали люди, нашедшие все-таки в ней достойного собеседника.

Они просто не могли смотреть на нее прямо и оттого выискивали что-то на ее одежде, ногах, а то и в волосах. Всегда смотрели мимо, стараясь избегать того, что может таиться в глубине этой загадочной радужной оболочки, не похожей на привычные карие, голубые, серые и даже такие редкие зеленые оттенки.

Улицы опустели окончательно. Даже заядлые собачники, вынужденные выбираться из дома для выгула любимцев, спрятались за дверьми, окнами и шторами, стараясь забыть, что их окружает целый безграничный мир или хотя бы город, в котором живут тысячи таких же, как они.

Казалось, что девушка осталась одна в этом городе, постепенно погружающемся в сон. Но он еще не спал, он ждал ее там, на окраине, зная, что она обязательно доберется до него и выслушает все, что накипело, разделит с ним все трудности и чаяния, выпавшие на его долю за этот день.

Ей же так хотелось поскорее добраться до места, где не нужно прятать глаза, где можно улыбаться, не вызывая опаски или замешательства, где было достаточно просто быть.

Да, Город со своими ночными рассказами и переживани-

ями нужен ей не меньше, чем она ему. И пусть на первый взгляд это казалось взаимовыгодным сотрудничеством, но они-то точно знали, что в нем кроется особая форма дружбы, где что-то огромное и масштабное не просто нуждалось, но еще и поддерживало нечто маленькое, являющееся частью его.

И наоборот. Она, будучи таким же жителем, как и прочие миллионы, стремилась на этот самый край, на эту границу человеческой суеты и гомона, чтобы побыть с ним наедине, просто выслушать и окунуться в тишину, которую не смогут дать даже самые толстые и плотные стены.

Они существовали не только внутри друг друга, но еще и ради друг друга, чтобы продолжать нести бремя, возложенное на них кем-то наверху. И в абзац, написанный для нее, Небесным Канцлером, была вписана судьба этого усталого и серого от людей, техники и шума города. А в его огромной книге в паре мест встречались короткие предложения о ней.

Они были связаны и не могли существовать друг без друга.

Она никогда не покидала Город, а он никогда не желал остаться наедине с самим собой. И это существование длилось так долго, что никто не мог уже вспомнить их первую встречу.

Когда девушка впервые вступила в эту огромную, прозрачную сферу, заполненную тишиной и вселенским покоем? Когда впервые увидела в городе не только серые стены и

толпы все время куда-то спешащих жителей, а ту самую душу? Душу, раскрашенную в яркие краски граффити, в редкое синее небо, незакрытое плотными облаками, и зеленую траву, несмотря ни на что пробивающуюся через брусчатку и трещины в асфальте. Когда стала общаться с ним и слышать его?

Никто, даже она сама не даст ответа на эти вопросы.

А он? Когда Город, переполненный миллионами паразитов разной формы и видов, заметил именно ее, странную девчонку с кирпичными глазами, глядящими в самую глубь его каменного (но такого доброго) сердца? Когда впустил ее в ту самую сферу тишины, в которой копил только приятные воспоминания и переживания? Когда она стала для него не просто жителем или паразитом, а настоящим другом, способным поддержать простым молчанием?

Шаг ускорился едва заметно, но весьма настойчиво. Этот край, где никто не будет шуметь и мешать, уже так близко и как же хочется поскорее оказаться в тишине, дарящей особый покой.

Лишь холодный воздух и сумка с ковриком для йоги не давали ей полной свободы действия. Отчего приходилось сохранять уверенный, целеустремленный шаг, но не срываться на бег.

А сердце замирало от предвкушения, оно лучше всех знало – что ждет ее через каких-то пару сотен шагов. Оно то колотилось со скоростью отбойного молотка, то останавли-

валось, прислушиваясь к надвигающейся тишине.

Мир уже спал, и только эта странная девушка все шла и шла по улицам, дворам и скверам, чтобы поскорее достичь цели, известной только ей одной. Каждый шаг приближал самую долгожданную встречу дня.

Внезапно она остановилась, будто наткнулась на незримую стену. Потопталась с ноги на ногу, глядя на что-то видимое только ей.

Со стороны могло показаться, что кто-то хорошо скрытый в наступающих сумерках остановил ее во время вечерней пробежки, и чтобы не сбавлять темп, ей приходится внимательно слушать собеседника, продолжая бег на месте.

Наконец, статичный марш прекратился, девушка, будто по приказу, встала по стойке «смирно». Ее глаза устремились куда-то вперед, а губы расплылись в какой-то особой, немного пугающей улыбке.

Будь на улице хотя бы один прохожий, он бы ускорил шаг, лишь мельком глянув на странную девчонку, остановившуюся в самом центре детской песочницы. Словно замершую в ожидании, когда ее осыпят песком или выстроят вокруг нее песочный замок.

Но ни того, ни другого не могло случиться при свете луны. Когда свидетелем необычной службы становились только бродячие псы, спрятавшиеся под теплотрассой.

Наконец, она подняла руки, будто желая что-то ухватить или обнять, медленно занесла ногу и шагнула вперед, исчез-

нуж из этого мира. Казалось – ее стерли огромным ластиком...

Сфера

В сфере, ограниченной лишь линией горизонта, за которую она никогда не ходила, ее лицо тут же обдало теплом и солнцем.

Привычный переход не принес ей новых открытий – ни прохлады, которую ожидают почувствовать путешественники между мирами, ни жара, ни вязкого сопротивления. Это был простой, обычный шаг, позволяющий покинуть уснувший мир и войти туда, где ей всегда рады.

Здесь, в этой сфере, застывшей во времени, он представал перед ней мужчиной средних лет, с аккуратными чертами лица и соломенным волосом, разлетающимся в разные стороны от резкого поворота головой.

Она, как и всегда, разглядывала его теплые руки, его удивительную и очаровательную улыбку, но такие грустные глаза.

Обычная, посеревшая от времени рубашка, была заляпана красками, будто он в порыве творческого вдохновения вытирал об нее кисть.

А эти босые ноги с такими длинными и изящными стопами? Как можно не любить его, когда он так прекрасен, пусть и местами сер?

Каждый раз пятен на рубашке становилось то больше, то меньше – где-то рождалась новая душа, открытая миру и

его тайнам, где-то закрашивалось очередное граффити, радовавшее глаз прохожих. Мир по ту сторону сферы спешил жить, не оглядываясь на такие мелочи.

– Ты снова стала забывать о чувствах людей, – заметил Город, садясь на лавочку и закапывая ноги в теплый песок. – Часто вызываешь агрессию, а то и страх в их сердцах.

Она пожалала плечами, сняла кеды, поджала ноги под себя, сев прямо на песок и подтянув к себе сумку с ковриком.

Здесь всегда стоял предзакатный час. Солнце всегда одаривало гостей этого места теплым светом, так быстро уходящим за границами пяточка. Оно навсегда застыло в прощальной позе, разделив себя горизонтом пополам, неспособное ни скрыться, ни подняться выше хотя бы на пару сантиметров.

И они любили это место за свет и тепло, за нагретый белый песок, за розовое небо, в котором навечно застыли печальные чайки, и лавку, такую узкую и все же такую уютную.

В ее прическе играли лучи солнца, придавая особую, легкую позолоту бесцветным, коротким волосам, обрамляющим маленькое лицо.

– Ты всегда улыбаешься, – заметил мужчина и, подойдя, ласково погладил ее по голове, словно котенка, ищущего маму, которой больше нет. – Несмотря ни на что.

Она снова кивнула и прикрыла глаза от его прикосновения.

Он не был холодным, как принято считать во внешнем ми-

ре, не был серым или безликим. Здесь, в этом застывшем на века мгновении, перед ней открывалась не только та красота, что давно приелась людям – ярко-раскрашенные стены, поредевшие скверы и клумбы, усеянные цветами, переменчивое небо и небольшие стенды с милыми, добрыми объявлениями и шутками.

В сфере существовало то, что никто, кроме нее не сможет видеть – внешность, обретенная Городом, когда тот задышал своими первыми улицами, и нежность, с которой он смотрел на нее.

Она наслаждалась его обществом, забывая, что все это только на время. Забывая, что в какой-то момент он резко встанет, осторожно прихватит ее за плечи и отправит в обратный путь – к людям.

Сейчас ей не хотелось об этом думать, ей просто хотелось чувствовать его теплую и нежную руку на своей голове. Хотелось закапываться в удивительный песок, залитый прощальными солнечными лучами. Хотелось наслаждаться тишиной, царящей в крохотном уголке, спрятанном где-то в глубинах Вселенной и настоящего времени.

Тут никто не мог их побеспокоить и оттого, она так любила пяточок, вмещающий в себя столько покоя и счастья, что ей всегда становилось любопытно, насколько крепкими должны быть его границы, чтобы сдержать все только здесь?

Это был клочок земли, существовавший до появления людей и даже диких зверей. Еще миллиарды лет назад ее обли-

зывает мировой океан и продолжает делать это по сей день, но только здесь, только в этой крохотной (в сравнении с внешним миром) сфере

В местных песках зарождалась жизнь. Из них выходили к морю и начинали свой долгий путь многие существа, о которых нынешние жители даже не знают.

Но все это случилось так давно, что никто из ныне присутствующих на пяточке не мог быть свидетелем хотя бы части памяти, хранящейся в песках, небе и бесшумном океане.

– Вот зачем ты это сделала? – его голос становился приправой к тишине, которую хотелось есть ложкой и прятать по карманам про запас.

– Они мешали пройти, – она открыла глаза, возвращая зрачкам привычную, вытянутую форму, и положила ладонь на его руку, все еще глядящую ее по голове.

Он улыбнулся, любясь таким простым, но таким восхитительным преображением и тем голосом, что лился, будто молодой ручей среди высокой травы.

Ему нравилось, как легко менялись ее глаза от цельного кирпичного цвета, до покрытия радужки множеством сероватых трещинок. Он с наслаждением слушал голос, в котором не было спокойствия и степенности, ставшими присущи ему с начала времен.

Оттого их дружба была чем-то несовместимым, невероятным, но безмерно ценным.

– Ты могла их просто обойти, – Город попытался вразу-

мить ее и убрал руку, возвращаясь к скамье. – Они не стали бы тебя преследовать.

Она пожала плечами и проводила его руку растерянным взглядом полным сожаления. Будто это наказание за неправильный ответ или за то, что девушка сделала по пути к нему.

Конечно, он все видел. Он знал обо всем, что с ней происходит, в какой бы точке она ни была. Спит она, бодрствует, гуляет или стоит на месте, ему было известно о ней все.

Впрочем, порой его все же отвлекали и те, кого ему хотелось считать своими детьми.

А она была для него другой. Эта хрупкая девушка словно только ради него пришла в мир. Будто в тот момент, когда ее первый в жизни плач огласил округу, ознаменовав появление на свет, в сердце уже было заложено знание о его существовании. И понимание того, как дорог он будет ей и важен.

– Я не люблю делать лишние шаги, – изящный, немного вздернутый кверху, острый носик чуть приподнялся и вернулся в привычное положение, словно оправдываясь за оплошность и надеясь на его понимание. – Мне нужно было идти к тебе.

– Я бы все равно тебя дождался, – тепло улыбаясь, заметил мужчина. – И ты это знаешь.

Она кивнула, уверенная в его искренности. Но ей не хотелось признаваться, что не любит обходить, что не любит углы и кривые, что парни ей не понравились с того самого момента, как высыпали на улицу и перегородили путь.

Они все равно попытались бы ее поддеть, рассчитывая на реакцию испуганной жертвы. Им просто нужно было самоутвердиться. И не встретиться им именно она, у них бы все получилось с другой случайной жертвой.

Но эта девушка никогда не убегала от проблем. Она шла напролом, не задумываясь о последствиях. Да, и кто-то решится обвинить в чем-то это хрупкое создание? Его просто высмеют и отправят с миром.

Именно это знание порой делало ее действия еще более безнаказанными и жесткими.

Впрочем, коврик не так-то и часто разворачивался для неожиданной расчистки пути. И бита не так часто покидала свое укрытие.

Она улыбнулась своим мыслям, зная, что он их тоже услышал. Но не произнесла ни слова, не желая сотрясать воздух попусту.

– Ты могла просто им ответить, – заметил мужчина, протягивая ей руку, будто приглашая взяться за нее. – И все бы закончилось обычной перебранкой.

Девушка лишь пожала плечами и, приняв приглашение, пересела на лавку.

Она не была уверена, что все могло закончиться словами. К тому же ей не очень нравилось говорить – это сильно мешало держать себя в руках. И могло выдать в ней что-то нечеловеческое, несвойственное прочим жителям города.

Оттого большее предпочтение отдавалось действиям. Так

проще было концентрироваться на своем физическом состоянии и не пугать окружающих еще большими «изъянами».

– Ты могла просто ускорить шаг или побежать, – предложил другое мирное решение мужчина, когда она, вновь прикрыв глаза, положила голову ему на плечо.

– Неудобно, – только и ответила девушка.

Он вздохнул и внимательно посмотрел на море, осторожно сжав ее руку. В мире за пределами сферы для нее все было так просто.

Мешает? Просто убери препятствие.

Чего-то не хватает? Найди это или замени.

Вся ее жизнь с самого рождения состояла только из простых вещей, сложные в ней не задерживались. Возможно, из-за внешности, а, возможно, и из-за окружения.

Сейчас, сидя бок о бок с маленькой хищницей, ему казалось, что он знал ее с самого рождения. С того момента, как она только открыла глаза. Но тут же, силясь вспомнить девушку ребенком, эта иллюзия рассеивалась, словно мука через сито, оставляя только самые большие крупы и мусор.

– Как давно это было, – заметил он вслух и продолжил сидеть, размышляя о времени, что провел с ней и без нее.

Он существовал задолго до того, как сюда пришли люди и выстроили свои первые лачуги. Он помогал им, как любой новой жизни, зародившейся в этих местах. Давал им урожай, укрывал от знойного солнца, одаривал дождями.

А они, не ощущая насыщения, желали большего и боль-

шего. Заботились лишь о своем благополучии, используя любые возможности и средства, что попадались им под руку и на глаза.

Но как бы жестоки порой ни были люди, он все равно принимал их, как своих детей. Принимал и любил всем сердцем.

Однако мир не может существовать без баланса. И если Город отдавал частичку себя кому-то, то должен был получить, восполнить ее в ответ.

Горожане не были способны на такой самоотверженный и благородный шаг, поэтому Ему нужен был тот, кто будет любить его безвозмездно, безропотно и всей душой. Тот, кому можно будет рассказать о жестокости его детей и почувствовать теплую руку на плече, крохотную поддержку и ласковую улыбку.

Он притягивал к себе слишком многих – сначала первые формы жизни, потом людей, а теперь ее.

Этот последний клочок безмятежности, сохранившийся в мире суеты, стал для него последним пристанищем. И оттого ему было в разы приятней видеть, как кто-то составляет ему компанию в моменты, когда все за пределами сферы спокойно спят.

Город просто сидел рядом с ней и наслаждался застывшим закатом, притихшим морем и песком, залитым прощальными лучами. Он просто радовался тому, что ему осталось, забывая о том, что было с начала времен.

А ей было достаточно лишь одного – его прикосновения,

от которого по всему телу разливалась огромная сила.

Она знала, что люди еще не все высосали и выкачали из него – самое сокровенное им отобрать не удастся никогда. Ведь его душа под охраной. И пока это так, к ней не подберется ни один из тех, кто делает из этого города бездушный каменный мешок.

Девушка осторожно сжала его руку и резко вскинула голову. Она считала, что он создал ее для себя и так будет до самой ее смерти. Потому что кто-то должен быть рядом даже с такими сильными существами, как Город.

– Нет, – коротко заметил он и обернулся к ней. – До самой моей.

В его глазах не было ни страха, ни печали от этих слов, лишь мировой покой, что качается на волнах безграничного океана.

Он точно знал, что из них двоих эта хрупкая малышка проживет дольше. Но еще ему было известно, что прежде, чем отпустить его, она сделает все, чтобы продлить эту жизнь и эти встречи.

Мужчина положил руки ей на плечи и, приложив минимум усилий, поставил ее на теплый песок:

– Тебе пора.

Глаза девушки резко погрустнели. У нее не было желания так рано уходить от него, от закатного неба, от моря и теплого песка.

Ей хотелось остаться здесь навсегда, но почему-то он был

против. И каждый раз отправлял обратно к тем, кто разрушал его изо дня в день.

— Береги их, — ласково попросил мужчина, погладив ее по голове, когда девушка надела кеды и выпрямилась, перекинув сумку через плечо. — Там у них есть только ты.

Она сморщилась от его слов, на секунду прикрыла глаза, и вздохнула.

Радужная оболочка глаз вновь покрылась равномерным кирпичным цветом, забив даже намеки на серые трещинки, и спрятав под собой лишнюю длину зрачка. А волос под его рукой перестал пропускать через себя золотой солнечный свет, став скучно-пепельным, торчащим в разные стороны.

В одно единственное мгновение она снова стала простой девушкой с нескладными коленками, торчащими из коротких шорт, и острым носиком, за который все так и цепляются взглядом.

Лишь кирпичного цвета глаза казались огромным чаном

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.